

*Русским добровольцам,
павшим в 1992—1995 годах
в Боснии, в боях за Сербию и Россию,
посвящается.*

*Нет памяти о прежнем;
да и о том, что будет,
не останется памяти у тех,
которые будут после.*

Еккл. 1, 11

ЧЕРНЫЙ ПРОЛОГ

Черная пятница. 13 декабря 1996 года. Кто сказал, что это плохой день? Нам всем, правда, грозили массовым освобождением всяких там преступников из СИЗО в этот день «холодной зимы», но пока она была на редкость теплой...

Я бросаю взгляд на часы. На одной из станций Московского метрополитена была назначена встреча двух людей, мы должны узнать друг друга по одежде и приметам. Поток людей как отлив и прилив, все спешат домой. Он выныривает из очередной волны, ощупывая меня взглядом. Я тоже успеваю заметить его до того, как он ко мне подошел.

— Михаил, — представляется он.

— Михаил, — отвечаю я и пожимаю протянутую руку.

Мы вышли. Моего собеседника и попутчика за несколько минут до этого остановили милиционеры и проверили документы. Молодой самоуверенный милиционер пролистал страницы паспорта, посмотрев штампы виз, поинтересовался: «Вы были во Франции?» Зачем ему это? Ладно, но мы дожили, что патрули — чуть ли не блокпосты — стоят в столице. Проверяют нас... (Не так давно молодой жгучий брюнет, работающий на моем факультете, был также остановлен милицией. Случайно у него не оказалось документов. Парень безуспешно пытался доказать, что он всего лишь еврей. «Молчи, чеченская морда!» — заткнули его милиционеры, воспитывая дубинками.)

Мы зашли в магазин купить чего-нибудь к чаю и оказались в крикливой тесноте прилавков. Взгляд скользнул по обилию разноцветных упаковок, невольно уперся в надпись на стене холодильного «аквариума» — INGMAN. Я киваю на него: «Миша, напоминает ли тебе это что-то? Вспоминаешь?»

«INGMAN», — прочитал он, на секунду задумался, переменялся в лице: «Ну, конечно же, Игман...»

Так называется горная гряда к юго-западу от Сараева, ключ к городу, место ожесточенных боев между сербами и мусульманами за контроль над единственным путем, связывавшим Сараево с внешним миром. Слово, по которому равнодушно скользят глаза столичных обывателей, для

нас пахнет пороховой гарью, взрывается в мозгу грохотом пулеметов и разрывом натовских авиабомб. В памяти встают стоны раненых, их белые, как снег, от шока и потери крови лица. Разрезанные буквально на куски четыре сербские девушки-медсестры — пропущенные ооновцами (УНПРОФОР — войска ООН были введены в ряд районов Боснии для предотвращения там межобщинных столкновений) через свои позиции, мусульманские «коммандос» повеселились от души. Мое тело невольно сжимается в комок, словно перед броском через простреливаемое снайперами пространство...

Вот уже год как прекратилась война в бывшей Югославии. Белград сотрясают сотни тысячные демонстрации. Сербов явно не устраивает итог войны — и это одна из причин столь массового движения.

Пока в Белграде бушуют манифестанты, мы сидим в коммуналке, расположенной где-то в центре Москвы, пьем чай и разговариваем — два Михаила. Горыныч — так чаще зовут моего собеседника примерно 36 лет от роду. Мы давно знакомы заочно, а теперь наконец встретились.

...30 октября 1995 года по пригороду Сараева шел русский доброволец, боец второго батальона первой сараевской бригады войска Республики Сербской. Фронтовик Михаил шагал смело и вел себя дерзко, как, впрочем, держали себя практически все русские. Было «прекращение огня». На простреливаемой мусульманами дороге, в про-

свете разбитых противоснайперских заборов-укрытий он выглядел очень заманчивой мишенью — выделялся российский камуфляж, наша же нашивка на рукаве, и на пилотке сверкала кокарда с двуглавым орлом. И мусульманский снайпер не выдержал — уж слишком раздражал его этот явно русский солдат.

...Горыныч очнулся. Неужели он умудрился упасть на асфальте, споткнулся на ровном месте? По лбу и переносице текла тонкая струйка крови, голова гудела — левая сторона лица опухла. «Наверное, ударился об асфальт», — подумал Горыныч. Левый глаз не видел. Горыныч раскрыл его руками, успокоился, ничего страшного, все видно, только двоится. Доброволец перевязал лоб, остановив кровь, но позже ходил к врачу, так как в голове сильно гудело.

Окулист проверил его по таблице — ничего страшного, зрение не изменилось. Но потом все же решил сделать рентген головы. Глянул на снимок — и обмер. «Что там?» — потянулся к снимку Горыныч. «Лежи, не шевелись!» — срывающимся с крика на шепот голосом бросил врач. И тут же, опомнившись, заорал: «Носилки!» В черепе была пуля. Скрикошетив, а затем чиркнув по лбу, возле брови чуть выше переносицы, она, пробив кожу, прошла в череп сквозь левую глазницу и застряла у его стенки — возле глазного нерва. Горынычу сделали операцию, достав пулю через рот. Сейчас это его талисман, на лбу же осталась отметина. Пуля лишь сместила глазное яблоко — и левый

глаз давал двойное изображение, пока мозг (или мускул) не адаптировался. (Я не силен в медицинских терминах, могу что-то спутать, и наверняка какой-нибудь хирург скажет, что такого не бывает. Плевать я хотел на то, что «не бывает». Это — не художественная книга, а документальная. Сказанному здесь — верить, ибо — было.) Может, Бог отвел эту пулю — «незаконную», так как действовало перемирие и прекращение огня? История знает много других случаев тяжелых ранений, после которых люди сохраняли жизнь и здравое мышление — примером является ранение М.И. Кутузова, которому пуля пробила глаз и вышла из другого уха.

А сейчас мы сидим в коммуналке. Я — историк по диплому. Мой тезка Горыныч — инженер-лазерщик. Он тоже когда-то поступал на истфак, но завалил сочинение. Я сам попал на этот факультет через рабфак.

— Странно вот, оба имеем приличное образование, а занимаемся в этой жизни черт знает чем. Это обычно для эмигрантов, приехавших в другую страну — и начинающих там все с нуля, вкалывая до седьмого пота на каких-то грязных работах. Так что мы в какой-то внутренней эмиграции, формально у себя в стране, а фактически — где-то в чужой.

Разговор затянулся за полночь. Как и подобает русским, мы рвемся из коммунальных стен в горные выси, сквозь комнатку проносятся века, события и тени предков.

Горыныч начитан и яростно доказывает, что сербский язык за пять веков османского ига ушел в себя, не развивался и поэтому сохранил первоначальное значение многих славянских слов. Я возражаю, указав на явные заимствования. Но все же какие у сербов народные сказания, какой эпос! И мы снова возвращаемся к войне, вспоминаем, анализируем, прогнозируем ее последствия. Странная она была в глазах людей, считающих, что война — это бескомпромиссная мясорубка противоборствующих сторон.

Есть макровзгляд на войну — причины (цели), средства, стратегия, тактика, что мы и узнаем из исторической литературы. Но существует жизнь на войне, о которой без прикрас можно узнать и рассказать, только побывав там... Или, если очень повезет, встретить очевидца войны, который сумеет передать тебе свои ощущения и впечатления, не упустив тех деталей и осколков, без которых мозаика не складывается.

В 1987-м я разговаривал с полковником в отставке Дмитрием Кирилловичем Ветровым, воевавшим в Великую Отечественную и прошедшим там путь от младшего лейтенанта до капитана. Он рассказывал, как на Волхове в 1942 г. установилось фактическое перемирие, и бойцы враждовавших сторон спокойно стирали белье на глазах друг у друга. Потом прислали пару десятков снайперов, которые не давали немцам жить спокойно. Их артиллерия начала адекватно отвечать, советские бойцы были здорово обозлены на наших

снайперов. И на других участках советско-германского фронта имели место если и не братания, то по крайней мере негласные перемирия. Солдаты понимали друг друга, даже когда им приходилось драться за разные команды и убивать друг друга.

Разговор скачет по всем болевым точкам этого мира.

— А веришь ли ты, что все делается по американскому плану? Что нас ждет отделение Козакии и республики Идель-Урала? — спросил он.

— Что, газеты «Завтра» начитался? — не очень тактично поинтересовался я и ответил: — Вряд ли. Самое тяжкое мы уже прошли, хотя проблем и крови еще будет немало. — Я помнил, что следующий, 1997-й, год — это год неспокойного солнца, смуты и жертв будет хватать.

* * *

Я все помню, как сейчас. Мусульмане подкрались ночью почти вплотную к нашему бункеру. Но их нервы, видать, тоже не железные — как случилось и ранее, в ответ на выстрел часового то ли по шелестящим кустам, то ли, чтобы просто отогнать собственный сон, ельник вокруг нашего поста залился огнем. Сон не стал вечным. «Мафия (так в шутку сербами был назван один из русских добровольцев, носивший летом черные очки), вставайте!» — этот крик заменил в тот момент «доброе утро». Выскочили из бункера — и сразу попадали, прижимаемые к земле свинцо-

вым ливнем. Наша позиция попала под перекрестный огонь, который вел противник с расстояния в пару-тройку десятков метров — так по крайней мере нам тогда показалось. В сплошном грохоте Денис засек в темноте бойца противника, в рожке у того были трассеры попеременно с обычными патронами. Призванные помочь мусульманину в ночном бою, они оказали медвежьё услугу. Очередь по кусту заставила его замолчать. «А, Мамед, несладко!» Но вот автомат Дениса клинит, и он не может встать в полный рост для того, чтобы, ударив ногой, передернуть затвор. Денис как-то странно, враскорячку-вприсядку «танцует», стараясь не попасть под пули. Что проносится в его мозгу в тот момент? Отчаяние не успело прийти, есть какой-то бешеный азарт, опьянение боем... Ранее, в Средние века, оружие персонифицировалось — мечам давали различные имена, например «Дюрандаль», «Шуайез». Автомат Дениса звался по синей наклейке на цевье — «Gott mit uns»¹. Я не знаю предысторию этого «калаша» — возможно, хорватский трофей, побывав в руках многих, сеял смерть, невзирая на национальность и веру своих жертв...

...Москва. Я проснулся в ночь с 14 на 15 декабря 1996 года в четыре утра. Тяжело дышать. Война опять близко подошла ко мне, напомнив, что сон ночью опасен. К утру пошел долгожданный снег, укрывший город белым ковром. Я встаю

¹ «С нами Бог».

и прижимаюсь лбом к холодному стеклу. Там, внизу-вдали, переливается огнями нарядная Москва. Как же она далека от того безвестного урочища, иссеченного пулями и осколками, от темного блиндажа и тьмы, готовой взорваться очередями. Нам, наверное, никогда не вернуться с той войны — пусть все реже, но она является к нам во снах, в образах или воспоминаниях, возвращаясь снова и снова.

Воевал ли я в Боснии? Слово «воевал» слишком громкое, обыватель предполагает горы трупов и ручьи крови. Нет, скорее я там находился... и участвовал в боевых действиях в составе Русского добровольческого отряда.

Зачем поехали туда, ведь рисковали своей жизнью во имя чего-то туманного и неясного... Ходили по лезвию бритвы... Простому человеку это непонятно — и я уже устал объяснять причины...

Недавно я разговаривал с Глебом. Он тоже воевал в Вишеграде.

— Я не хочу об этом вспоминать! — цедил он злобно. — У меня аллергия на названия сербских деревень. Я уже переболел и не хочу к этому возвращаться. Все оказалось зря. Кто хотел знать об этой войне, узнали больше, чем те, кто туда поехал и подставил лоб под пули. У меня есть знакомый военспец. Он долго изучал карты и расклад полетов и сказал, что либо он ничего не понимает, либо эту войну можно было закончить в течение года.

— Да, Глеб, здоровое зерно в этом есть. Им не дали ее закончить.

— Они остановились перед самым финишем и стали ждать, когда победа сама упадет им в руки. А так воевать нельзя.

У Глеба — ожог глаз. Но и душа его, я вижу, тоже сильно обожжена.

Как они все разительно отличаются друг от друга — я имею в виду добровольцев, с которыми мне довелось познакомиться и в Боснии, и позже, чьи жизненные пути пересеклись с моими.

Любимцы богов, избранные умирают молодыми. Еще одна жертва, принесенная на алтарь войны... Поминки по Петру Малышеву были в ноябре 1994 года. Волею случая он погиб в годовщину бойни у Белого дома. Его друг узнал о гибели Петра из газеты. Оторвав ее от стенда, чуть ли не захлебываясь в слезах скорби и отчаяния, повторял: «Я поеду туда и буду мстить за него... Мстить!..» Петр Малышев, Петруха... в чьем сердце стучал пепел Бендер, Боснии и Белого дома? Он «возлюбил ближних» более, чем самого себя, — и отдал за них свою жизнь, погиб с оружием в руках... Отомстили ли мы за него, за других?

Моя книга написана в странном стиле. Реальность несъедобна, но здесь все правда, все описываемые события имели место, я лишь не указал фамилии многих участников, а некоторые слегка изменил. Эта книга — попытка дать целостное описание одной мало известной страницы истории — действий русских добровольцев в гражданской войне в бывшей Югославии. Информация

об этом нередко появлялась в прессе, но она хаотична и обрывочна, обрастает слухами и домыслами, становясь зачастую темой политических спекуляций. Целостной картины нет, да и быть не может. Один Бог знает, как сложились судьбы многих достойных парней, не уронивших честь России. Один Бог знает, что двигало ими, когда они поехали в Боснию. На эту тему мы говорили не очень часто. Самому себе же я это объяснил. Душа требовала. А сейчас собираю по осколкам мозаику той войны...

* * *

Феномен добровольческого движения органично вписан в русскую традицию. Русский офицер, грек по национальности, Ипсиланти «со товарищи» пытается освободить Грецию в 1821 году; русские добровольцы генерала Черняева воюют в той же Боснии в 1870-х годах. Мне довелось прочесть книгу Николая Максимова «Две войны», посвященную действиям русских добровольцев во время антитурецкого восстания сербов в 1870-х годах, а затем — российской армии во время освобождения Болгарии. В книге много параллелей с недавними событиями. Еще больше позабавило меня то, что я нашел там своего однофамильца. Какой намечается сюжет, имеющий к тому же реальную подоплеку! Некая генетическая тяга на Балканы господ (граждан) Поликарповых. Быть может, предка и потомка, разделен-

ных пятью поколениями. Но это — для авторов художественных книг.

В начале XX века Россия пела: «Трансвааль, Трансвааль, страна моя, ты вся горишь в огне...» Русские добровольцы, в том числе позже ставший известным политиком Гучков, воевали на стороне буров в 1899—1902 годах против английских войск, ведших колониальную войну. Англо-бурская война дала не только Гучкова, снайперскую стрельбу, форму цвета хаки, но и практическую формулу «Третий не прикуривает». Дело не в том, что «Минздрав предупреждает», а в том, что на первую затяжку — первый огонек — боец противника вскидывает винтовку, на второй — берет на прицел, на третий — стреляет. В темноте огонек сигареты в момент затяжки виден на расстоянии до километра. Минздрав, как обычно, прав.

В советскую эпоху власть контролировала и направляла добровольческое движение в нужное ей русло: Китай, Испания, Вьетнам... но все равно это было делом чести: «У каждого офицера должна быть своя Испания!»¹ Добровольческое движение в изначальном его виде сохранялось в российской диаспоре, сейчас традиция ожила и в современной России. Сжато я бы выразил эту идею так: есть у русских традиция давать бой ЗЛУ, даже если этот бой безнадежен. Своеобразный русский «джихад», правда, этот термин неуместен. Бремя белого человека. Крестовый по-

¹ В Испании в 1936—1939 годах погибло около трехсот советских военспецов.

ход. ITER¹. С позиции рационалистической это объяснить очень сложно, ответ — в коллективном бессознательном, в тысячелетней памяти моего народа. Выключите на время телевизор, включите свои мозги. Кто мы, ветераны той балканской войны? Зачем поехали на Балканы? Нет, не ради денег... Меркантильный мотив никогда не фигурировал. Зарплаты русских добровольцев, равно как и сербских бойцов, не хватало даже на сигареты. Лишь в начале 1993 года сербские общины двух городов, Вишеграда и Горажде, убедившись в реальной боевой эффективности русских добровольцев, доплачивали им сверх тех обычных 10—20 DM в месяц, что получали все бойцы. Я вижу огромную разницу между понятиями «доброволец» и «наемник». К последним я отношу военспецов или «солдат удачи», воюющих с кем угодно ради денег. Граница между добровольцем и наемником проходит там, где кончается борьба за чистоту идеи и начинается борьба за чистоган. А 20 DM — это не те деньги, ради которых стоит рисковать своей жизнью...

* * *

У меня прошла злость. Теперь — что-то вроде апатии, грусти. Все прошло... Но война не отпускает нас. Да, как ни странно, русские становятся бóльшими сербами, чем сами сербы.

¹ Буквально — «путь». Так назывались крестовые походы в Средневековье.

— Интересно, а как сербы воевали в Первую и Вторую мировые войны? Я как-то могу понять их сейчас. Русские, которые попали на Балканы, — люди особые, а в сербском войске — общая масса. Мы едем, полные энергии, но на несколько месяцев... А если бы годы — нам бы это тоже осточертело, и, желая сохранить свои жизни, мы вели бы себя крайне осторожно... Думаю, в случае аналогичной войны в России приехавшие сюда сербы также смотрелись бы выигрышно на фоне основной массы русских, — говорю я собеседнику. Но тот яростно протестует:

— Нет, ни в коем случае! Ну, в Первую мировую войну они дрались с австрийцами, армия которых была плохой. Как говаривал Суворов, австрийцев только ленивый и не бивал. Достаточно вспомнить «Похождения бравого солдата Швейка», где стороны соревнуются в том, кто в большем числе сдастся в плен.

— Положим, в Австрии были очень хорошие воины — венгерские гонведы и кроаты (хорваты).

— Но с сентября-то 1914 года русская армия вела наступление в Галиции, в эту мясорубку и были брошены все боеспособные австрийские части. А на долю сербов досталась всякая шушера. Оттого те так доблестно и сопротивлялись — до вступления в войну Болгарии. А кроаты — были так, дерьмецо-с. Австрийцев в плен за год боев там, на сербском фронте, сдалось более ста тысяч человек...

— Но в Великую Отечественную тут, в России и на Украине, хорваты себя показали.

— Грабежами и зверствами?

— Да, но и не только... Сейчас, после обретения независимости, хорваты выпустили серию марок — «Хорватская армия под Сталинградом», «Хорватская армия в Воронеже», «Хорватская армия берет Ростов-на-Дону». Ну а Болгария — это вообще анекдот и позор панславянского движения. Славяне вообще любят друг друга — при условии, что не живут по разные стороны общей границы. И при всей любви болгар к русским и в Первую, и во Вторую мировые эта страна воевала против России, хотя фактически ее войска с нами в боевых действиях не участвовали...

— Формально участвовали, но на линии фронта шла лишь стрельба в воздух и были братания, а офицеры следили, чтобы процесс братания и совместных пьянок не зашел слишком далеко. А во Вторую сербы вели партизанскую войну на территории, где немецких оккупационных войск практически не было. Были там итальянцы, были хорваты, но наиболее боеспособные части опять-таки перемолол советско-германский фронт. В Югославии были места, на которые не ступала нога немецкого солдата.

— Это не аргумент. Положим, такие места были в любой из оккупированных стран.

— Гарнизоны стояли лишь в крупных городах. Сербы-четники были двух ориентаций — сторонники эмигрантского правительства в Лон-

доне и правительства во вновь созданном сербском государстве. И продолжалась эта необузданная партизанщина и междоусобная война до 1943 года. Бои были не ахти какие, мелкие нападения.

— Ну это если сравнивать с советско-германским фронтом, то да, выглядит все очень бледно...

— А в 1943 году товарищ Сталин решил, что негоже оставлять партизанское движение без контроля и руководства — и нашел для этого, казалось бы, подходящую кандидатуру, мелкого функционера, работавшего на радио Коминтерна без всяких перспектив на продвижение. Доставили к нему того комсомольского работника — Иосифа Броз Тито. Ну, тот вне себя от счастья, и рассказал, как боготворит он Иосифа Виссарионовича, как конспектирует и хранит под подушкой бессмертные творения вождя, как заучивает цитаты наизусть. Вождь же считал себя большим психологом и решил, что это именно тот человек, который нужен. Иосиф Тито получил деньги, оружие, специалистов, был заброшен в Югославию и стал воевать бок о бок с четниками. Те сначала покривились: мол, кто такой тут объявился? Но Тито повел себя умно: «Чего нам делить, когда есть общий враг. А там разберемся...» В сорок четвертом разобрались: пришла Советская армия, всех четников — к ногтю. На стороне немцев тогда же воевал и русский корпус, составленный из белоэмигрантов, проживавших в Югославии.

— И их взяли в плен и тоже к ногтю? Застави-

ли разделить судьбу бежавшего от Ленина Шульгина? Ну да, Югославия же была основным центром нашей военной эмиграции. В двадцатые годы югославская армия говорила по-русски. Если бы казакам еще и землю дали в Косове, они и стали бы хребтом сербской армии. Они повторяют ту же ошибку и сейчас: разговоров о поселениях русских было много, а до дела, до серьезной их организации не дошло.

— Русские в сорок пятом отошли в Австрию и сдались там союзникам, ну а те передали и белоэмигрантов, и казаков, и прочих Сталину, а он их послал далеко на восток...

* * *

Передо мною раскинулся, играя огнями, мегаполис. Москва. Снова спрашиваю себя, зачем мы поехали на эту войну. Может быть, чтобы доказать себе, что мы — русские? Нет однозначного ответа. Каждый решал за себя сам. Добровольно. Есть общие мотивы: склонность к риску (поиск романтических приключений), зов души (русская традиция волонтерства), не востребованность, желание самоутвердиться в этой жизни. Дай бог, чтобы я оказался никудышним пророком, но почувствовал тогда, что над Балканами сгустилось Мировое Зло... Велась нечестная игра — все на одного. Обидно стало за сербов. За Россию, сползающую на уровень третьего мира. Очень сильно запахло третьей мировой. И Югославия для меня стала лакмусовой бумажкой, по которой я

различал людей и определял, кто есть кто на самом деле.

Не могу поручиться за всех, но знаю точно, что Петр Малышев и Горыныч, Глеб и Денис разделяли мое мироощущение. Мы делали жертвоприношение, кладя на алтарь свои жизни, — во искупление той грязи, в которую пала нынешняя Россия. Люди ринулись в центр мировой бури, чтобы с оружием в руках сойтись лицом к лицу со злом.

ГЛАВА 1

1тер. Путь в Боснию (1994)

Летом 1993-го я окончательно понял, что происходит в Югославии. По крайней мере доказал себе.

К тому времени кровь в этой стране лилась добрых два года. В 91-м Запад поддержал хорватов и словенцев, пожелавших обрести независимость от Белграда. В жертву при этом были принесены сербы, проживавшие на территории Хорватии. Тысячи людей оказались не просто в положении людей второго сорта, а просто скота. Вспыхнула вековая вражда на национально-религиозной почве. Хорваты-католики подняли клеточно-шахматное знамя Государства Хорватия 1941—1945 годов, вспомнили, как убивали сербов вместе с гитлеровцами при Павеличе¹. И после

¹ Глава фашистского марионеточного государства Хорватии.

полувекового перерыва продолжили это занятие, отыгравшись за Блайбург¹. Сербы хорошо помнили, как их дважды пытались истребить только в этом веке: в 1941—1945-м — немцы и хорваты, в 1914—1918-м — австрийцы (суть те же...). И если русские в девяностые годы чаще покорно слушали: «Пошел вон!» — и уходили с земель своих отцов, то сербы, народ горячий и непокорный, взялись за автоматы. И тогда мир выступил против сербов — ельцинско-kozyревская Россия промолчала, послушно присоединившись к блокаде сербов. А истинно русским «за державу» стало обидно. Мирясь с несправедливостью по отношению к сербам, бросив их в беде, Россия преступает и элементарные понятия совести, справедливости, международного права, а равно предаёт собственные национальные интересы. Если, конечно, русские в бывших союзных республиках входят в сферу понятий о национальных интересах России.

Я не могу ничего изменить в мировом масштабе, но, чтобы остаться самим собой, с чистой совестью, чтобы быть непричастным к предательству, я понял — мой путь лежит в Боснию. Читатель может не знать о вишистской Франции 1940—1943 годов, сотрудничавшей с Гитлером, но во время Второй мировой войны французы го-

¹ Город в Австрии, где в 1945 году было уничтожено большое количество хорватских фашистов-усташей. Сейчас считается символом национальной трагедии хорватского народа.

ворили: «Петэн¹ спасает наш кошелек, де Голль спасает нашу честь». К вишистскому правительству далеко не все плохо относились, подписание перемирия, то есть фактически капитуляции Франции перед Германией в 1940 году, сопровождалось искренним ликованием масс. Сравнение хромает потому, что наш Петэн и кошелек спасал только свой. Потому — бремя чести, жребий де Голля выпало нести простым парням.

Была большая волокита с получением загранпаспорта. После распада СССР я, русский, не имел и российского гражданства. Но в конце концов в мае 1994 года я все же стал российским гражданином, имеющим возможность выезжать за границу. А осенью 1993 года я нашел в одной из центральных газет статью журналиста Пятакова, в которой упоминались парни, воевавшие в бывшей Югославии и уехавшие туда по какому-то каналу. Позже я выяснил, что эта богатая фактурой и изобиловавшая пафосом статья большей частью высосана из пальца. Основой послужили реальные прототипы, но доминировали фантазии автора — сейчас такой бред я отличаю невооруженным глазом. Тогда же взял на заметку журналиста и стал отслеживать его материалы, в которых как-то упоминались добровольцы. После получения загранпаспорта я вышел на Пятакова, а через него — на Петра Малышева, который объ-

¹ Во время оккупации Франции возглавил подконтрольное немцам правительство.

яснил мне истинное положение вещей и посоветовал, что надо делать.

Так судьба свела меня с Петром Малышевым — небольшим худеньким пареньком, старше меня года на полтора. С просветленным, иконописным ликом и стальными глазами. В детстве они были голубыми, но у всех людей голубые глаза меняют оттенки, становясь у кого-то мутными, у кого-то бесцветными щупальцами... У Петра, повторяю, глаза были цвета стали. Видимо, нержавеющей. Это был человек прямой и открытый. Рабочий и ювелир, исследователь московских подземелий, страстный наездник, влюбленный в лошадей инструктор верховой езды. В 1989 году «Взгляд» показал фильм о нем — Петр держал лошадь в московской квартире (на первом этаже сталинского дома). Фильм повторялся весной девяносто пятого.

Покойный Листьев снимал покойного Петруху — так откомментировал мне это один из знавших Малышева. Да, это так. Но по иронии судьбы Листьев лежит рядом с Владимиром Высоцким и Отари Квантришвили. Очень символично — между искусством и криминалом. Первую встречу Петр назначил мне в сквере у деревянной часовни, на месте которой ныне вырос храм Христа Спасителя. Сейчас я воспринимаю это как символ — именно Петр дал мне первые уроки жизни в условиях войны, предостерег от ряда возможных ошибок и глупостей.

Сам он не знал страха. В его щуплом теле

пульсировала дикая отвага, наглядно показывая, как выглядели реальные берсерки¹.

Об этом говорит случай из его биографии. Ему, тогда еще пятнадцатилетнему мальчишке, ребята не дали покататься на качелях и слегка побили. Смыв кровь, он вернулся и избил... пятнадцать человек, трое из которых прошли армию. На суде сравнение маленького, щуплого Петра и большой группы потерпевших было явно не в пользу последних. Прокурор смеялся до слез — ведь подобные случаи почти невероятны. Обычный человек такого сделать не может. Следствие: Петруху поставили на учет, освободив от службы в армии.

— И ты с тех пор почувствовал в себе воина, тягу воевать?

— Нет, с тех пор я почувствовал в себе тягу к мародерке. С побитых я еще и снял часы, — отшутился он.

Он очень хорошо знал круг русской национальной оппозиции. Одно время его женой была дочь Батогова, издателя газеты «Русское Воскресенье», одного из «вождей» общества «Память».

Когда мы познакомились с Малышевым, он уже успел пройти бои в Приднестровье, куда уехал, бросив учебу в каком-то вновь открывшемся университете. Затем была Босния, там Петр крестился — до этого он был в группе «Памяти»,

¹ В скандинавской истории — воины, впадавшие в бешенство во время боя. Сражаясь без доспехов в первых рядах, наводили ужас на противника.

придерживавшейся языческих взглядов. После похорон Михаила Трофимова (командир добровольческого отряда, погиб летом 1993 года, подробнее см. главу 8) он ненадолго заскочил в Москву, собираясь опять в Боснию, но ему стало ясно, что тут, в России, что-то намечается. Был в Белом доме, там пригодилось его знание подземных коммуникаций, через которые он выводил людей из осажденного здания. В конце сентября, еще до кровавой развязки, Петр Малышев задерживался милицией.

— А был ли там еще кто-нибудь из добровольцев? — спросил я его о Белом доме.

— Да, Загребов.

— А кто это?

— Тот, кто продал сербам казачков...

Тогда Петр поведал мне о людях, которые делали деньги на русском добровольческом порыве. Они становились как бы вербовщиками, получая у сербов деньги. Одним из таких и был Александр Загребов, фигура загадочная и противоречивая.

Вскоре после Белого дома Малышева «взяли на карандаш». Некто Миша, по «легенде» — военврач, ранее воевавший в Афгане, завсегда с патриотическими тусовками, познакомился с Петром и свел его с корреспондентом Пятаковым, после чего сам исчез.

— Я не удивлюсь, если меня арестуют и на допрос придет тот самый «Миша», — сказал мне

Петр. Опытный человек умеет отличить человека с погонами, «опера» от просто обывателя.

Малышев дал интервью Пятакову, содержащее много информации по своей биографии, преследуя цель отомстить Ярославу Ястребову, которого он считал виновным в гибели ряда русских — тех, кого Ярослав завербовал в 92—93-м годах. Я полагаю, что основная причина его наилучших чувств к вербовщикам-посредникам та, что они «погрелись» на этом, заработали деньги на чужой крови — крови русских добровольцев. Кошунственно получать деньги за то, что те поехали погибать за какие-то идеалы... Газета в присущей ей бесцеремонной манере назвала Ястребова «идейным аферистом». Неожиданно он объявился и подал на газету в суд. Другие добровольцы питали тоже не самые теплые чувства к Ястребову. Его в 1993 году даже пытались убить. Более того, думали, что убили, и ставили свечку за упокой души. Как и положено — по жанру — людям определенного сорта, Ястребов выжил. На этом суде некоторые добровольцы справедливо рассудили, что и Пятаков, и Ястребов один другого стоят и нет смысла вмешиваться в их свару.

Используя Петра как удобную фигуру, его в 1994 году раскручивали, дав возможность появиться в прессе и на экране. Петр сам говорил: «Из меня делают поджигателя рейхстага». Возможно, он слегка преувеличивал — он был явно не масштаба Димитрова.